

Здравствуй, Ладю, и не удивляйся, что называю я тебя этим грузинским именем: так тебя, моего нового друга, величают сегодня в нашей семье, так зовут тебя и мои товарищи по работе, а значит это, что стал ты для нас близким и дорогим человеком, самым настоящим братом.

Когда я вернулся со съезда, то первым делом пошел к нашему партийному секретарю Серге Баградзе и попросил его: собери коммунистов цеха, надо о съезде им рассказать, да и поговорить о том, как работать дальше, тоже необходимо... Собрал Сергей народ — и коммунисты пришли, и беспартийные товарищи, и я им, Ладю, прочитал твоё выступление на съезде. Задумал я это дело еще в Москве. Потому что, как я понимаю, говорил ты на съезде от имени каждого рабочего человека страны и уж, конечно, от имени всех тех, кто дает стране металл.

Магнитка всегда была для нас маяком, «общесоюзной школой передового опыта металлургов», как назвал ты ее в своей речи. На Магнитке проходили высшую школу огненного мастера многие руставцы, проходили еще тогда, когда и город наш, и металлургический завод только-только рождался неподалеку от Тбилиси — древней и вечно юной столицы нашей республики.

По время стало уже легендой, как стало легендой время первых пятилеток, давшее стране ее стальное сердце — славную Магнитку. Но ведь тем и замечательна наша жизнь, что, однажды начавшись, легенда непременно имеет продолжение в сегодняшнем дне. Это твои слова: на комбинате приумножаются традиции и романтика первых пятилеток, их, как эстафету, передают из поколения в поколение, не будучи этой живой связи, не было бы того, что мы называем магнитогорским характером... Добавлю от себя: и того, что мы называем руставским характером, тоже не было бы. А ведь он есть — руставский характер!

Я вспоминаю, как трудно заканчивали мы девятую пятилетку. К ее середине и республика наша в целом, и Рустави крепко отстали от тех темпов, которыми шла страна, и если честно говорить о том, почему так получилось, то надо сказать прямо: люди, стоявшие тогда у руководства республикой, были коммунистами больше на словах, чем на деле, нашлись такие «деятели» и у нас в городе. Об интересах рабочего человека они и не помывляли — нужно ли удивляться тому, что и с металлургического, и с других предприятий Рустави люди стали уходить кто куда... Так дело долго продолжалось не могло, это мы, рабочие, отлично понимали, и когда в феврале 1972 года было принято постановление ЦК нашей партии по Тбилисскому горкому, стало ясно: пришло время все поставить на свои места. Вот тут-то он и проявился, руставский характер.

Люди, которые еще совсем недавно, махнув на все рукой, ушли с завода, возвращались в его цехи: ты же знаешь не хуже, чем я, что наш брат-сталевавар, как бы ни повернулась его судьба, всегда остается верен своей профессии, своему огненному делу... Люди возвращались — и работали так, как никогда раньше, им хотелось во что бы то ни стало наверстать упущенное, и они наверстали

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, город Магнитогорск, Магнитогорский металлургический комбинат имени В. И. Ленина, старшему горному доменного цеха Герою Социалистического Труда В. Д. НАУМКИНУ.

Для всех коммунистов, для каждого советского человека дни работы XXVI съезда КПСС незабываемы. Но особенно они памяны делегатам партийного форума. И каждый из них, рассказывая о съезде, непременно добавит, что запомнились встречи с товарищами по профессии, приехавшими на съезд из всех республик и краев нашей великой Родины. 2247 рабочих-делегатов собрались в зале Кремлевского Дворца съездов, и каждого из них отличает по-настоящему творческий, инициативный поиск в главном деле жизни — работе.

В народе говорят, что слово знаменит, а дело роднит. Скольких делегатов сроднил съезд! Доменщик из Магнитогорска Герой Социалистического Труда Василий Наумкин и сталевавар Руставского металлургического завода из Грузии Ушанги Иванишвили не знали друг друга. Но вот приехали на съезд, вместе побывали на приеме у министра черной металлургии СССР, сообща обсуждали самые важные для металлургов страны проблемы. Один работает на Южном Урале, другой — в Грузии, один — русский, другой — грузин. Но тогда Василий Дмитриевич Наумкин выступил на съезде и рассказал о том, чем живут металлурги Магнитки, какие проблемы решают, как высоко несут честь советского рабочего, что думают сделать для увеличения производства металла в одиннадцатой пятилетке — его слова поняли и

приняли близко к сердцу все металлурги страны, в какой бы республике они ни трудились. Не случайно Ушанги Иванишвили, вернувшись домой, на первой же встрече с товарищами по труду прежде всего познакомил их с речью магнитогорского металлурга Василия Наумкина на съезде партии. Об этом он сообщает в своем письме к В. Д. Наумкину, которое опубликовано в газете «Заря Востока» (Орган ЦК Компартии Грузии, Верховного Совета и Совета Министров Грузинской ССР).

Сегодня мы перепечатаем это письмо, чтобы познакомиться с ним всех трудящихся. В письме речь идет не только о специальных проблемах, а и о высоком чувстве братской дружбы рабочих, представителей народов нашей многонациональной страны. Крепче этой дружбы нет ничего на свете — она проверена в боях за социалистическую Родину и в труде во имя ее процветания. Нисчерпаемы глубины этой дружбы, потому что «брат братом силен» — так говорят в народе. И нет ничего, что помешало бы этой нерушимой дружбе крепнуть и развиваться.

Металлург из Грузии пишет в своем письме, что руставский характер сродни магнитогорскому характеру. Это очень верно замечено: у советских людей, где бы они ни жили, — советский характер.

П Е Р В А Я В Е С Н А

его и даже превзошли, можно сказать, самих себя: девятой пятилетку вместе со своей республикой руставцы выполнили — и как выполнили! Три передовых Красных знамени ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ завоевала в семьдесят третьем, семьдесят четвертом и семьдесят пятом годах Грузия, в десятой пятилетке к ним прибавилось еще пять знамен. Неспроста Эдуард Амвросиевич Шеварнадзе, первый секретарь ЦК Компартии республики и кандидат в члены Политбюро, назвал нашу десятую пятилетку краснознаменной. Посмотрел бы ты, как съезд коммунистов республики встретил это определение, — ведь все-таки восемь высших трудовых наград Родины за восемь лет!

Что же произошло? Чудо? Думаю, что именно оно и произошло. Но только обыкновенное человеческое чудо, сотворенное людьми, которые поставили себе ясную и четкую цель: кем бы ты ни был — рабочим, крестьянином, инженером, ученым, писателем, студентом, партийным или коммунистическим руководителем — ты должен жить и работать по-ленински и по-советски. Обыкновенное человеческое чудо свершилось, но пришло оно не само по себе, мы боролись за то, чтобы оно пришло, и это была нелегкая борьба.

Я вспоминаю, как ты на съезде говорил о той «нравственной добавке», которая отличает труд металлургов государственного подспорьем и упорством поиска резервов. Правильно сказано. Так нам и довелось действовать. Мы искали резервы высокой человеческой нравственности и находили их, и вводили их в действие, и они начинали работать на наше общее дело.

Есть у нас на заводе бригадир сталеваваров Омар Цитлидзе. Человека этого хорошо знают в республике, добрая у него слава. Вскоре после XXV съезда партии Омар пришел в парком завода и сказал, что вместе со своими ребятами начинает борьбу за работу без отстающих и нарушителей дисциплины — есть еще среди нас такие, с позволения сказать, работнички, верную ты им в своей речи на съезде дал характеристику: «Им бы тень колотить да день проводить...». А стерпишь ли, если рядом с тобой такой бездельник крутится! Вот это нравственное неприятие лодыря и нарушителя дисциплины и было, по-моему, главным в том деле, которое затеяли Омар Цитлидзе и его друзья... Их под-

держали. Поддержали буквально всей республикой, и первыми среди поддерживавших были колхозники из села Тквири Абашского района.

Район этот тоже знаменит у нас в Грузии, знаменит по-хорошему, хотя лет пятнадцать, а то и меньше назад слава у него была совсем иного рода. Побродил тогда здешние крестьяне свои колхозы и подались на все четыре стороны, промышляли на рынках республики и за ее пределами. Конечно, людей этих осудить проще простого, но только поспешность и тут, наверное, ни к чему.

Наши маргеновцы в семьдесят пятом году ездили в Абаша. Пригласили их тквирицы к себе, когда приняли решение поддержать инициативу Омара Цитлидзе и его товарищей. Встреча эта, как рассказывают ребята, была задуманной и вместе с тем очень деловой. Вот тогда-то и рассказали абашцы о том, что прежние руководители района до того дорукотило сельским хозяйством, что лоробатает человек год, а ему и кукурузу на человеко-день, и денежную оплату в чисто символическом количестве выдают... Тут, пожалуй, и разбегались на все четыре стороны. И вот избрали в семьдесят третьем году абашские коммунисты первым секретарем своего райкома партии Гурама Мгеладзе — он тоже был делегатом XXVI съезда, жаль не довелось мне тебя с ним лично познакомиться. Интереснейший человек, такие, как он, я думаю, и есть настоящие коммунисты, настоящие революционеры. С умел партийный секретарь собрал абашцев под одну крышу, сумел вместе с коммунистами района убедить людей в том, что к прошлому возврата не будет, что нужно ввязаться за землю по-хозяйски — вот тогда и слава, и блага придут в каждый дом. Мартенэацы в Абаша ездили как раз тогда, когда в разгаре была уборка кукурузы. Ходить, конечно, по полям в качестве туристов они не стали, а начали вместе с крестьянами ломать початки. Гурам Мгеладзе работал рядом с ними и сказал тогда: «Вот приведем на эти поля механизацию — дело еще веселее пойдет!». Так оно и получилось...

Сколько таких примеров у нас в республике? Великое множество! Когда сразу после съезда Леонид Ильич Брежнев вручал Эдуарду Амвросиевичу Шеварнадзе орден Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда, прозвучали слова, которые сей-

час у нас в республике повторяют буквально в каждом доме. Дела в Грузии, сказал Леонид Ильич, опортятся, и надо ожидать, что в одиннадцатой пятилетке они пойдут еще лучше.

Это, Ладю, знаешь, какие слова? Тут целая программа действий для каждого из нас. Вот почему, когда мы собирались в цехе, когда прочитали твою речь на съезде, я рассказал товарищам о том, как принял нас министр черной металлургии и как на этой встрече ты сообщил, что коллектив вашего цеха решил на выплавку каждой тонны чугуна экономить четыре килограмма кокса. Ребята взялись за карандаши: это ж на каждом миллионе тонн чугуна тысячи тонн кокса сэберутся! Здорово! Сейчас мы попросили наших доменщиков сделать кое-какие расчеты, вторая доменная печь у нас уже на ходу — пустили ее, как и было обещано, в дни работы съезда, и будем мы тоже, как говорят, подбираться к твоим четырем килограммам.

Знаю, путь к этим рубежам будет нелегким. Ты, Ладю, когда рассказывал о сталеваарах с вашей тридцать пятой печи, которые за пятилетку на одном агрегате выплавляли восемь миллионов тонн стали, назвали их рекорд подвигом. Съезд аллодисмен там и встретил эти слова, и я думаю, что этим высший форум коммунистов страны выразил отношение всего советского народа к нам, металлургам, в частности, и к рабочему человеку, к его труду, вообще. Вот и следует нам, наверное, думать о том, чтобы трудовой подвиг сделался нормой для каждого из нас — неспроста ведь нас называют страной героев.

И тут, раз уж подошли мы к разговору о своей стране, поясню тебе, дорогой Ладю, почему именно сейчас взялся я за перо и пишу тебе это письмо.

Ты, конечно же, не забыл, как Эдуард Амвросиевич Шеварнадзе, выступая на съезде партии, сказал, что в мае мы будем отмечать шестидесятилетие Советской Грузии и Коммунистической партии республики. Он пригласил всех делегатов партийного форума и прежде всего всем нам дорогого и близкого Леонида Ильича Брежнева на это торжество, которое непременно станет праздником неразрывного братского единства всех народов нашей великой Родины. Так вот, моя семья, мои товарищи по работе поручили мне написать тебе это письмо, потому что в моем лице я обрел верного друга, и еще

потому, что ты представляешь самого большого друга, которого имела когда-либо Грузия, — великий русский народ.

Почти двести лет назад оба наши народа — грузинский и русский — навеки объединили свои судьбы. Документ, скрепивший это единение, называется Георгиевским трактатом, и название его знает у нас даже первоклассник. Два века идут плечом к плечу по дорогам истории — оба наши народа, и был на этом пути день, от которого мы сегодня ведем свою советскую историю, — 25 февраля 1921 года, день, когда на стол Владимиру Ильичу Ленину легла телеграмма о том, что над Тифлисом реет победное знамя Великого Октября.

Шесть десятилетий прошло с той поры. Это на пятнадцать лет больше, чем мне сегодня. Но ведь в том-то и дело, что каждый из нас, даже если он родился только в нынешнем году, обязательно вберет в себя всю нашу историю: от десяти дней, которые потрясли мир, до сегодняшнего и завтрашнего нашего величия и силы.

Ты знаешь, дорогой мой друг, порой мне кажется, что это я лично в рядах прославленной одиннадцатой армии входил в столицу Грузии, уже ставшей советской, что это я по ленинскому плану возводил первые ГОЭЛРО — Земо-Авчальскую гидроэлектростанцию, что это я монтировал оборудование для ткацкой фабрики, подаренное городу Кутаиси ивановскими ткачами в двадцать третьем году, что это я создавал колхозы в виноградной Кахети и субтропической Колхиде, что это я прошел суровыми дорогами Великой Отечественной войны и возрождал страну из руин и пепла, что это я строил свой прекрасный молодой город Рустави. И что всегда и повсюду был со мной ты, мой старший брат. Да ведь именно так оно и было! Наши деды, отцы, наши матери вместе построили этот прекрасный дом, который мы называем Союзом Советских Социалистических Республик. Мы вобрали в себя их созидательный дух, мы продолжаем строить светлое здание будущего и построим его!

Ты должен быть на великом нашем празднике со мной, Ладю. Я проведу тебя по нашему заводу, по улицам стремительно растущего Рустави — и ты увидишь, что мы, грузинские сталеваары, такие же добрые работники и надежные люди, как твои земляки-магнитогорцы. Мы съездем с тобой на мою родину

— в Сагареджойский район, это совсем недалеко от Рустави, и ты увидишь, как по виноградным плантациям Кахети, уверенно набирая силу, шагает весна, чтобы осенью лоза отяжелела от полновесных гроздьев. Я покажу тебе Тбилиси, который мы на грузинском языке называем городом-матерью, и ты услышишь в нем грузинскую и русскую, абхазскую и армянскую, азербайджанскую и осетинскую речь — и это будут слова любви и братства, слова дружбы и верности. Ты узнаешь, как много мы сумели сделать за шесть советских десятилетий и особенно — за последние девять лет, и как много собираемся мы сделать в 80-х годах.

Мне глубоко запали в душу твои слова о том, что доменный цех, в котором ты работаешь четверть века, — это большая дружная семья, что каждый пятый в коллективе — коммунист, что высокое сознание долга, сплоченность, взаимовыручка — характерные черты твоих товарищей, что забыли в вашей бригаде о прогулах и опозданиях на работу, что такое унижение рабочей чести у вас просто невыслымо. Добрый это пример для подражания — недалек тот день, когда и о своем коллективе я смогу сказать то же самое. Если есть на кого равняться, всегда легче идти к цели.

Я снова думаю о весне, дорогой мой брат, о первой весне после съезда. Подымай голову — и видишь над собой небо: чистое, голубое, мирное, и словно вновь слышишь твои слова: «Хочу передать Центральному Комитету, Политбюро ЦК, Вам, дорогой Леонид Ильич, наше рабочее спасибо за неутомимую работу о благо советских людей, за Ваш неутомимый труд ради сохранения мира на земле. Это голос наших сердец, наши думы и чувства...».

Хорошо ты сказал, Ладю. Это наши думы и чувства. С этими думами поднял я сегодня утром ребяткишек — Марину и Зазу, с этими чувствами проводил на работу Женю, супругу свою. Мне на смену заступать вечером — так что есть немного времени свободного, можно подготовиться к встречам с руставцами: меня в эти дни многие к себе приглашают, как и тебя, наверное. Что ж, дело это нужное, надо нести людям слово о съезде, надо рассказать о том, как далеко увидели мы с его вершины и какие светлые дали открылись нам. И о том, что впереди — большая работа: надо варить сталь, строить дома, разить виноград, учить детей, слагать песни. И крепко, по-работному, дружить. Потому что нет у нас ценнее богатства, чем великое чувство единой семьи, чувство, родившееся в труде и в бою, чувство, с которым мы непобедимы.

Я заканчиваю свое письмо ставшими у нас крылатыми словами: «Брат, ты братом силен!». В этих словах вечная крепость той стали, которую даем мы стране, в них высокая чистота наших помыслов, в них живет сегодня наше партийное братство — братство коммунистов.

Желаю тебе всего доброго, мой дорогой брат. И жду тебя на праздничной земле Грузии.

Твой
Ушанги Иванишвили,
сталевавар Руставского металлургического завода.

(«Челябинский рабочий» № 89, 1981 г.).